

Агния Кузнецова

Чертова дюжина

Агния Александровна Кузнецова (Маркова) Чертова дюжина

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=266832

Кузнецова А.А. Собрание сочинений в 3 томах, т.3: Детская литература; Москва; 1984

Аннотация

«... В комнате были двое: немецкий офицер с крупным безвольным лицом и другой, на которого, не отрываясь, смотрела Дина с порога комнаты...

Этот другой, высокий, с сутулыми плечами и седой головой, стоял у окна, заложив руки в карманы. Его холеное лицо с выдающимся вперед подбородком было бесстрастно.

Он глубоко задумался и смотрел в окно, но обернулся на быстрые шаги Дины.

– Динушка! – воскликнул он, шагнув ей навстречу. И в этом восклицании был испуг, удивление и радость. – Я беру ее на поруки, господин Вайтман, – с живостью сказал он офицеру. – Динушка, не бойся, родная...

Он говорил что-то еще, но Дина не слышала. Наконец-то она вспомнила самое главное.

...Она сказала Косте, как ненавидит их, и только теперь поняла, что ей надо мстить им за отца, за Юрика, а теперь и за Костю. Только так она может жить. Только так могут жить все русские...

– У меня к вам поручение, Игорь Андреевич, – твердо сказала она. – Я вот достану...

Стремительно подойдя вплотную к Куренкову, из потайного кармана она быстро вытащила маленький револьвер и выстрелила ему в грудь.

Куренков судорожно протянул вперед руку, точно пытался ухватиться за какой-то невидимый предмет, и медленно повалился на пол.

– Предатель! – крикнула Дина, отбрасывая в сторону револьвер, и, пользуясь замешательством офицера, бросилась в кладовую. ...»

Содержание

Часть первая	4
Подземный ход	4
Друзья	12
22 июня 1941 года	22
Война началась	24
На берегу реки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Агния Кузнецова

Чертова дюжина

Часть первая

Подземный ход

Затеевы праздновали день рождения дочери. Дине исполнилось четырнадцать лет. В гости к ней собрались одноклассники – девочки и мальчики.

Екатерина Петровна Затеева решила не смущать детей присутствием взрослых и обед устроила им отдельно, в саду. По желанию Дины стол накрыли в тени старого дуба, между двух клумб с анютиными глазками, душистыми левкоями и желто-коричневыми бархатцами. Иннокентий Осипович Затеев еще утром соорудил около стола деревянные скамейки.

В четыре часа дня шумная компания разместилась на скамейках вокруг стола. Именинница осторожно засучила пышные рукава новенького розового с черными горошками платица и приступила к обязанностям хозяйки. Она разложила на тарелки дымящийся мясной пирог, придвинула каждому поближе тарелку с бульоном. Гости вначале смущались, но скоро зазвенели ложки, застучали ножи, и все с аппетитом принялись есть.

Взрослые расположились на террасе. Здесь был толстый учитель физики Тарас Викентьевич Гринько, инженер Игорь Андреевич Куренков, худенькая старушка Ольга Семеновна Петерсон и родители Дины.

Иннокентий Осипович часто вскакивал из-за стола, проворно сбегал по ступенькам в сад проведать молодую компанию.

Разговор у стола между клумбами моментально стихал, и ребята с уважением смотрели на отца Дины – маленького, лысого, с мохнатыми, как у Толстого, бровями. Затеев был директором школы, в которой учились ребята. Они любили его и немного побаивались.

– Ну, как? – осведомлялся Иннокентий Осипович и, не дождавшись ответа, упрекал Дину: – Хлеба-то у вас почему нет? А Костя что именинником сидит? Рябчик на тарелке целёхонек!

Он покидал притихших ребят, тер лысину холеной рукой с перстнем на мизинце и про себя рассуждал: «Спугнул, спугнул молодежь. Пусть уж сами как хотят...»

Он возвращался на террасу, смеялся, острил, и здесь снова становилось шумно и весело.

– Что же вы, Ольга Семеновна, зарок, что ли, дали у нас не кушать? – говорил он. – Я в сад уходил, вы в блюдечко смотрели и теперь так же сидите. Может быть (он хитро подмигнул), о женихе гадаете?

– Хи-хи, хи-хи! – в ответ дребезжала старушка, и на ее седой голове вздрагивала крошечная шишечка волос.

Екатерина Петровна разливала чай.

– Кончайте курить и пейте чай, – обратилась она к Куренкову.

Он вежливо приподнялся в кресле, отвесил полупоклон, но предпочел оставаться у перил террасы.

– Кушайте, Тарас Викентьевич, – продолжала хозяйка, подвигая вазу с печеньем толстому гостю, а сама чуть заметно улыбалась. Она знала, что Тараса Викентьевича Гринько можно не угощать: везде он чувствовал себя как дома и ел невероятно много.

– Скушаю, все пшендечки скушаю, дорогая моя! – гудел Тарас Викентьевич. – У меня аппетит в дедушку Крылова.

Он вытирал клетчатым платком потное румяное лицо и с удовольствием уничтожал пряники, ватрушки, хворост.

– Что это вы, Игорь Андреевич, ребят так изучаете? Рисовать их, что ли, задумали? – смеясь, спросил Иннокентий Осипович.

– Если б умел, обязательно нарисовал бы, – оживленно отозвался Игорь Андреевич.

Он всем корпусом повернулся к Иннокентию Осиповичу, широкими приподнятыми плечами загораживая все кресло.

И не первый раз залюбовался Иннокентий Осипович прекрасной линией его лба и носа, гордым ртом и чуть-чуть выдающейся нижней челюстью. Куренков, несмотря на свои сорок лет, был совершенно седым.

– Вот посмотрите на Динушку. – В голосе Игоря Андреевича зазвучала отцовская нежность.

Иннокентий Осипович переглянулся с женой. Она вздохнула и отвернулась. Три года назад у Куренкова умерли дочь и жена. Дочь, по его словам, очень походила на Дину. С тех пор он горячо привязался к Дине и часто стал бывать у Затеевых.

– В розовом платьице она походит на ландыш – стройная, высокая. А волосы... смотрите: по последней моде – косички кверху и бант. Какой у нее необычный и красивый загар, – продолжал Куренков. – Теперь смотрите: рядом с ней девочка совсем другого типа.

– Это Саша Семенцова, – подсказал Иннокентий Осипович.

– Верно, предки цыгане, ишь какая кожа черная. Некрасивая девочка. А волосы чудесные – косищи какие, ниже колен! Смотрите, блестят как!

– Да вы в самом деле художник! – засмеялся Иннокентий Осипович.

– Каждый человек немножко художник, – улыбнулся Куренков. – Вот эту курносую девчурку с двумя косичками я чаще всех встречаю с Динушкой. Верно, это ее любимая подруга.

– Это Наточка, – вступила в разговор Екатерина Петровна. – Очень хорошая девочка – умница, одаренная, серьезная.

– У этой девочки есть один дефект, – заметил Иннокентий Осипович, – она неопрятна. Ногти у нее всегда как у хищника, с траурной каймой.

Все засмеялись.

– А рядом, – продолжал Куренков, – невероятный блондин, но это не альбинос.

– Его в школе зовут «Витя Беленький», – сказал Иннокентий Осипович. – Каюсь, мой любимец. Удивительный парень: какой-то весь светлый, чистый, честный. Да и товарищи его любят...

Понемногу все взрослые собрались у перил террасы.

– А этот, – указывая головой на черного худенького мальчика, – гудел Тарас Викентьевич, – Костя Зарахович. Смотрите, Игорь Андреевич, какой тип, а?

В это время стукнула калитка, и в саду появилась тоненькая девушка в белом платье, с волосами, завитыми в мелкие кудряшки.

– Кира! – всплеснула руками и почему-то удивилась Ольга Семеновна появлению своей дочери.

Кира только входила, а ей навстречу по дорожке сада уже мчалась Дина.

– Вот этой дружбой я недоволен. Разница лет, да и вообще... – потирая лысину ладонью, тихо сказал Иннокентий Осипович самому себе, но Куренков слышал и пожал плечами, точно хотел сказать: «В выборе друзей дети не всегда спрашивают родителей».

Кира обняла Дину за шею и, осторожно целуя в щеку крашеными губами, сказала:

– Поздравляю, Дина, с днем рождения и дарю тебе вот это.

Она протянула крошечный сверток. Дина развернула его. В бумаге лежала маленькая бронзовая пудреница в форме сердечка. Внутри было круглое зеркальце.

– Ой, какая чудесная! – обрадовалась Дина и, подхватив Киру под руку, потащила ее к детскому столу.

Обед кончался, когда у стола появился запыхавшийся Иннокентий Осипович с подносом в руках и бутылкой под мышкой.

– Ну, друзья мои, в честь рождения Дины не зазорно будет выпить и вам по рюмочке вина. Я эту бутылку со дна моря от капитана Немо добыл. Не верите?

– Не верим! – серьезно за всех сказал Витя Беленький, не сводя голубых глаз с Иннокентия Осиповича и пытаясь угадать, шутит он или говорит серьезно.

– Ну, не верьте! – спокойно продолжал Иннокентий Осипович, ставя поднос с бутылкой и рюмками на край стола.

– Ой, папа, какой ты догадливый. Ты, верно, и берег эту бутылку для моего рождения! – ликовала Дина, помогая отцу разливать вино в рюмки.

– Вот Кире в эту большую. Она ведь взрослая! Ну, папа, и молодец же ты! Не верите, что бутылка от капитана Немо? – со смехом обратилась она к ребятам. – Ну и хорошо, что сказкам не верите, – лукаво поглядывая на отца, продолжала она. – Но что бутылка со дна моря, с какого-то затонувшего корабля – это точно. Ее папе знакомый капитан подарил и сказал: «Берегите до значительного дня».

Рюмки были налиты. Иннокентий Осипович взял свою рюмку и сказал:

– Ну, ребята, выпьем за счастливое будущее именинницы, за счастливое будущее всех вас!

Ребята неумело чокнулись и осторожно выпили «вино со дна морского».

После обеда Кира присоединилась к обществу взрослых и занялась проснувшимся Юриком – трехлетним братом Дины, а ребята затеяли старинную игру в палочку-застукалочку.

Варя и Костя вышли на широкую тихую улицу, поросшую травой. Костя размахнулся и бросил палку. Она покатила по дороге, вздымая пыль. Варя вприпрыжку побежала за палкой, а Костя во двор. Он видел, как в калитке огорода мелькнуло розовое с горошками платьице и, не думая о том, хорошо ли можно спрятаться в огороде, бросился туда же. Он нагнал Дину в молодом березнике. Она приложила палец к губам в знак того, чтобы он молчал, и присела в высокой траве. Костя рядом опустился на землю.

– Знаешь, Дина, – прошептал он, задыхаясь от быстрого бега, – я тебе подарок один... не хотел только при всех... Вот возьми... Только плохо...

Он вытащил из кармана кусок александрийской бумаги, скрученный трубочкой и перевязанный белой ниткой.

Дина взяла сверток и хотела разорвать нитку. Но Костя остановил ее:

– Ты потом, без меня. Там стихи и рисунок.

Дина вспыхнула и смутилась. Она знала, что надо поблагодарить Костю за подарок, но почему-то молчала и, досадуя на себя, смущалась еще больше. Из сада доносился звонкий голос Вари:

Палочка-застукалочка идет,
Кого первого найдет,
Тот за палочкой пойдет.

Затем послышался визг, смех, стук палочки. Костя приподнялся, вытянул шею.

– Витю Беленького нашла... Сашка бежит. Скорее! Застучалась, – со смехом прошептал он.

– Сиди, не выглядывай, – строго сказала Дина, но было уже поздно.

– Костя! – крикнула Варя и понеслась со всех ног к застучалочке.

Костя подмигнул Дине и, шепнув: «С выручкой!», направился в сад. Палочка стучала снова, значит, Варя нашла Нату. Теперь всех могла выручить только Дина.

Хлопнула калитка огорода. Дина приподнялась и увидела Варю. Она осторожно шла между гряд, повертывая голову то в одну, то в другую сторону. А в щели забора с надеждой смотрели четыре пары глаз. Дине даже показалось, что она различает черные, блестящие глаза Кости.

Нужно было опередить Варю, но она стояла совсем близко у калитки. Дина решила ползти и с сожалением взглянула на новое платье.

– Динка! Все равно попадешься! Сдавайся лучше! – крикнула Варя, топчась на месте. Она не решалась отойти от калитки.

Раздумывать не было времени. Дина легла и осторожно поползла в высокой траве. Она припадала к земле, медленно двигалась вперед, руки заплетались в крепких стеблях травы, ноги не слушались.

Варя нерешительно пошла в глубь огорода. Дина приподнялась, взглянула. Теперь она и Варя были на одинаковом расстоянии от калитки.

Дина вскочила, легко перепрыгнула через грядку и понеслась к калитке. Легкая, тонкая, бежала она, чуть касаясь земли ногами. Костя широко распахнул калитку и захлопнул ее перед самым носом раскрасневшейся, неуклюже скакавшей через гряды Вари. Палочка оглушительно застучала по ступеньке крыльца.

– Тише, тише, Дина! – сказала с террасы Екатерина Петровна и, всплеснув руками, воскликнула: – Что это у тебя с платьем?!

Но Дина не слышала. Она крутилась, как волчок, и кричала:

– С выручкой, с выручкой!

– С выручкой! – приплясывали Витя Беленький, Ната, Саша и Костя.

Варя стояла красная, сердитая.

– Я спрашиваю, что ты сделала с платьем? – строго, повышая голос, повторила Екатерина Петровна.

– Ползла, мамочка, ребят-то надо было выручить, тут уж не до платья...

Дина взглянула на порванную юбку. Ей стало жаль новенького платья, но главное – стыдно было перед матерью. Это платье утром подарила ей Екатерина Петровна. Ночь она сидела за машинкой, желая непременно окончить подарок к сроку.

Екатерина Петровна сердито отвернулась и отошла к столу.

– Ничего, Дина, – сказала Саша, – ты его сейчас сними, а потом я помогу тебе розовой ниткой зашить, и ничего не будет видно.

– Правда? – обрадовалась Дина и побежала переодеваться.

Витя Беленький взял палочку-застучалочку и обратился к Варе:

– Ну-с, снова придется вам топтать за палочкой.

– Не пойду. Надоело так играть.

– Ага! Как второй раз голить – так надоело. Нет, гражданка, это не по правилам. – Витя решительно направился за ворота.

– Пойдемте на реку, – спускаясь с крыльца, предложила Дина.

– На реку! – поддержали все и побежали к плетню огорода.

Когда они лезли через плетень, Дина выронила из кармана Костин подарок. Сверток упал на резные листья крапивы. Его подняла и спрятала в рукав Саша Семенцова. Она догнала Дину и, поглядывая на нее, хотела спросить, что у нее пропало, и, подразнив, возвратит потерянное. Но любопытство взяло верх. Девочка забежала в мелкий березник, присела и, осторожно распутав нитку, развернула бумагу.

В тонко очерченной рамке, перевитой незабудками и ромашкой, печатными буквами были написаны стихи. Вверху красивым шрифтом выведено:

«В день четырнадцатилетия Дине Затеевой от Кости Зарахович на память».

Саша с увлечением стала читать Костины стихи.

Особенно ей понравилось одно четверостишие, и она несколько раз перечитала его:

Караван наших дней быстрокрылый
Улетает и тает, как дым...
Знаю, в сердце, что есть и было —
Навсегда оставляет следы.

– Вот здорово, – прошептала она, свернула бумагу трубочкой, завязала ниткой и с сожалением подумала, что теперь каникулы. Будь сейчас учебное время, Саша непременно рассказала бы всему классу о том, что Костя сочиняет Динке стихи, и уж разыграли бы они и поэта и именинницу.

Саша догнала ребят, подала Дине сверток и сказала насмешливо:

– Маша-растеряша!

Дина вспыхнула, взглянула на Сашу, и по тому, как та сразу же посмотрела на Костю, ей показалось, что она читала стихи. Костя все это видел. Он нахмурился и вскоре, улучив удобный момент, схватил Сашу за длинные косы и со злостью в голосе крикнул:

– Но, чалка длиннохвостая!

Он дернул так больно, что Саша закинула кверху голову и на ее глаза навернулись слезы.

– У, Пушкин! – сердито сказала она.

Теперь Костя окончательно убедился, что Саша читала его стихи.

Они шли через пустырь. В стороне зияла ровная четырехугольная яма. Здесь еще в давние времена был приготовлен фундамент, очевидно предназначенный для дома с подвальным этажом. Яма глубиной около двух метров, была завалена большими камнями и поросла высокой густой травой.

Впереди шли Дина и Ната. Когда они были вместе, то Дина казалась особенно высокой и хрупкой, а Ната здоровой и коренастой. Несмотря на торжественный день – именины лучшей подруги, – Ната была одета небрежно. Пояс коричневого платья придерживала большая английская булавка. На спине из четырех пуговиц две отсутствовали.

Девочки подошли к краю фундамента. Саша с Варей шли шагах в десяти, оживленно перешептываясь. Мальчики скрылись под яром.

– Спрячемся! – шепнула Ната, указывая на яму.

Дина быстро оглянулась, убедилась, что ее и Нату подруги не замечают, присела и, посмеиваясь, осторожно спрыгнула вниз. Ната последовала за ней.

Они забились в угол, прислушиваясь к шагам и разговорам наверху.

– А где же девчата? – услышали они удивленный голос Вари. – Неужели к реке спустились?

Послышался дружный топот ног, должно быть, девочки побежали.

Дина с Натой переглянулись и засмеялись. Они продолжали сидеть на корточках в углу ямы и разговаривали шепотом.

– Динка-а-а!

– Нат-ка-а-а! – доносилось издали.

Их искали. Хотелось спрятаться подальше. Дина изо всех сил прижималась спиной к холодному камню, словно от этого она становилась менее заметной. Неожиданно на плечи ей

посыпалась земля. «Подкралась, увидели», – подумала она, осторожно приподнимая кверху голову. Но наверху никого не было.

Земля осыпалась между ровными четырехугольными камнями, к которым прижималась Дина. Она повернулась и заметила, что камень, около которого она стояла, отличался от других камней – гладкий и темный, он скорее походил на плиту. Она наклонилась, взяла щепку и ткнула ею между камней. Щепка без усилий вошла туда.

Земля посыпалась опять, и между камней образовалась дыра. Дина просунула туда руку и громко сказала:

– Там пусто!

– Тише ты! – зашептала Ната. – Они же тут.

Но Дину теперь больше всего на свете занимала дыра между камней.

– А что, если там клад?! – серьезно сказала она. – Ну-ка, попробуем сдвинуть камень!

– Смотри! Да он совсем плоский, – нащупывая пальцами плиту, громко удивилась Ната.

Они обе просунули пальцы в щель, схватились за край плиты, изо всех сил потянули ее и чуть не свалились – так легко поддалась она вперед и упала. Девочки отскочили и со страхом смотрели то на черное отверстие, зияющее в фундаменте, то друг на друга.

– Что же это такое? – наконец сказала Ната, приближаясь к отверстию. – Там ступеньки, Дина. Что же это – погреб?

Дина подошла, заглянула. Свет падал на две каменные ступеньки – дальше ничего не было видно.

– Нет, это не погреб, – в раздумье сказала она. – Разве бывает погреб под домом? А ведь тут должен был быть дом. Что же это такое? Темница? Подземный ход? Кто же начинал строить этот дом?

– Давай позовем ребят, – предложила Ната.

Они стали кричать.

Первый отозвался Костя:

– А, вот они где!

– Костя, зови скорее всех! Тут что-то страшное, интересное! Смотри – подземный ход! – кричала Дина, заглядывая в темное отверстие, но не решаясь туда войти.

Костя, не раздумывая, прыгнул в яму, за ним прыгнул Витя Беленький.

Костя с Витей внимательно осмотрели ход.

Спуститься вниз по каменным ступенькам оказалось невозможно без света, а спичек ни у кого не было.

– Я сбегая за электрическим фонариком, – предложила Дина.

С помощью ребят она выкарабкалась из ямы и что было сил помчалась домой.

Около дома Дина встретила Куренкова. Худой, высокий, он шагал как-то отлично от всех, сутуля широкие плечи, приподняв голову, выставив вперед подбородок. В сером костюме, с седыми непокрытыми волосами, Дине казалось, он походил на американца.

– Куда это, Динушка, такими темпами? – спросил он и, как обычно при виде Дины, улыбнулся широкой отцовской улыбкой.

– Игорь Андреевич! – сказала Дина, останавливаясь и тяжело дыша. – Мы нашли подземный ход! Знаете, там, в фундаменте недостроенного дома.

И Дина торопливо рассказала Куренкову свое открытие.

Удивила она его своим рассказом или нет, Дина не знала. Красивое лицо Куренкова всегда было однообразно-спокойно, и никакие переживания не отражались на нем. Таким же спокойным оно было и теперь. Ни удивления, ни любопытства, ни сомнения не появилось на нем. И Дину это огорчило. Но когда Куренков изъявил желание посмотреть подземный ход,

она обрадовалась и представила себе, как будут довольны ребята, что она приведет главного инженера военного завода посмотреть на их открытие.

У Куренкова были с собой спички, и Дина не пошла домой за фонариком. Они повернули и быстро направились к реке.

С зажженной спичкой Куренков первым спустился вниз по каменным ступенькам в темноту неизвестного отверстия. Он шел медленно, согнувшись почти вдвое. За ним, также согнувшись, шла Дина, остальным ребятам свод подземного коридора не мешал идти почти не сгибаясь.

Впереди чуть мелькал свет от спички Куренкова, пахло сыростью, землей... Было душно и тревожно.

– Вот и конец, – громко сказал Игорь Андреевич. – Кто-то, видно, затевал подземный ход, да порошу не хватило, оставлено на половине. Поворачивайте, ребята!

– А что там, в конце? Двери нет? – интересовались ребята.

– Ничего нет. Одна глина, – ответил Куренков.

Начало подземного хода Костя и Витя Беленький закрыли плитой, и, оживленно рассуждая о своем открытии, все двинулись к дому Затеевых.

Куренков широко шагал впереди, ссутулив могучие плечи и выставив подбородок.

– Я советую вам, ребята, о своем открытии не говорить ни одной душе, даже родителям.

– Почему, Игорь Андреевич? – удивилась Дина.

– А вот почему, – продолжал Куренков. – Этот подземный ход, вот в таком неоконченном виде, для нас, взрослых, интереса не представляет. Ход недоделан. Куда он ведет – неизвестно. Да и зачем он нам? Очевидно, некто, строивший его, имел свою цель. Если вы сообщите даже только своим родителям, поверьте мне, они скажут родным, знакомым, и постепенно узнает весь город. Все будут ходить туда, смотреть, его запакосят – и только. А если вы сумеете до поры до времени сохранить свое открытие в тайне, потом мы придумаем вместе, как полезнее использовать его. А пока оставьте его в собственном пользовании – играйте здесь...

Ребята согласились с предложением Куренкова. От этого решения на сердце у Дины стало тревожно. Она привыкла делиться с родителями всеми радостями и огорчениями своей жизни, особенно с отцом. Екатерине Петровне всегда было некогда до конца выслушать рассказы дочери, кроме того, она бранила ее за каждую шалость. И Дина иногда с огорчением думала: «Неужели она не понимает? Ведь она тоже была девочкой?»

Отец Дины, наоборот, всегда находил время заняться с дочерью. Он с интересом слушал ее рассказы о ребятах, помогал ей разбираться в прочитанных книгах и вместе с ней пел ее любимые песни. Дина привыкла жить с отцом одной жизнью.

Вот поэтому-то, когда по совету Игоря Андреевича ребята дали друг другу честное пионерское хранить в тайне свое открытие, Дине стало не по себе и домой она возвратилась взволнованная.

Вечером, разбирая подарки, полученные в этот день, Дина невольно улыбнулась. Самым дорогим подарком для нее было не розовое (уже порванное) платье, не лупа, подаренная Куренковым, не увлекательные романы Жюль Верна, о которых она мечтала давно. Самым дорогим подарком были Костины стихи, посвященные ей. Целый день она помнила о них, и мысль о том, что вечером она их прочтет, доставляла радость и какое-то непонятное волнение.

В этот вечер она говорила с отцом мало и не рассказала ему о двух самых важных моментах сегодняшнего дня: о подземном ходе и о Костиных стихах. Сказать о первом она не имела права, а о втором... не сказала потому, что не хотела посвящать в свои взаимоотношения с Костей даже самого близкого ей человека – отца.

Перед сном Дина на минутку задержалась с отцом на террасе. Целуя дочь в лоб, Иннокентий Осипович задумчиво сказал:

– Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я уже работал помощником кочегара. Нелегко мне тогда приходилось. Ты этого никогда не узнаешь. У тебя позади только радость. И сегодня лучшее мое пожелание тебе, именинница, такой же полной радости и впереди.

Они оба перегнулись через перила и смотрели на черные шелестящие кусты сада, вдыхали тонкий аромат цветов, травы, листьев. До них долетал затихающий шум маленького города: обрывки песен, лай собак, неясные шорохи. Казалось, никакая сила не может нарушить мира, тишины, покоя этого городка, затерявшегося в глухих лесах недалеко от Москвы.

На душе у Дины в эту минуту было так спокойно, так радостно, что слова отца показались ей ненужными и немного смешными. Она звонко рассмеялась и обняла Иннокентия Осиповича.

Друзья

Затеевы собирались на пасеку к дедушке. Иннокентий Осипович оставался в городе, потому что в его школе шел капитальный ремонт.

Екатерина Петровна с утра укладывала чемоданы, нервничала, сердилась. Маленький Юрик капризничал. Суматоха в доме ему не нравилась: на обычных местах не было игрушек, его забыли вовремя покормить, на него не обращали внимания, а еще хуже – требовали, чтобы он не вертелся под ногами и сидел где-нибудь в сторонке. Сидеть же в сторонке Юрик никак не мог. Ему необходимо было знать, что завертывала мама в бумагу, попробовать, не провалится ли крышка чемодана, если ее потоптать ногами, потрогать пальцем недавно испеченные ватрушки – горячие они или нет.

Раньше все это ему разрешалось, а сегодня его гнали, ругали и даже шлепали. Юрик сердился и капризничал.

Дина сначала помогала матери, но потом это ей наскучило, и она побежала прощаться с подругами. Ната Савельева жила рядом со школой. Дина направилась к ней через боковую калиточку школьного двора.

Во дворе на бревнах сидела Варя и еще несколько девочек, одноклассниц Дины. На заборе висел Мирошка. Про него в классе говорили: «Первый ученик с краю, никогда ничего не знаю». Дина подошла к девочкам. Увидев ее, Мирошка соскочил на землю и, низко кланяясь и кривляясь, почти пропел:

Караван наших дней быстрокрылый
Улетает и тает, как дым...

На бревнах послышался смех, Дина остановилась, щеки ее вспыхнули, на глаза навернулись слезы. Она взглянула на смеющихся девочек, повернулась и побежала прочь, а вслед ей неслись слова:

Знаю, в сердце, что есть и было —
Навсегда оставляет следы.

С пылающими щеками она вбежала во двор Наты. Ната в окно увидела подругу и вышла на крыльцо. Взглянув на Дину, она поняла, что у нее не спокойно на сердце, но промолчала, зная, что та распросов не любит, а если сочтет нужным, сама расскажет обо всем. В самом деле, вскоре Дина заговорила о том, что ее огорчило.

– Знаешь, Ната, Мирошка становится просто невозможным, – сказала она. – Кривляется, как цирковой шут, а девчонки наши поддерживают его, смеются над его глупыми выходками, поощряют их. Вот сейчас он начал меня дразнить, а Варя, Зинка, Наташа и Верка с ним заодно.

Дина с Натой сели на ступеньки крыльца. Двор был грязный, засыпанный стружками, обломками кирпича, заваленный дровами и бревнами. Крыльцо было тоже грязное, затоптанное глиной. Ната, как всегда, не обратила внимания на это, но Дина отыскала в кармане тряпочку, вытерла ею ступеньку и тогда только села.

– Папа говорит, – неожиданно сказала она, – что в нашем возрасте всего понять нельзя не из-за недостатка ума, а потому, что нами пережито еще слишком мало. Я с ним всегда по этому поводу спорю.

Она поднялась, за руку потянула Нату к себе и, когда та встала, обтерла под ней ступеньку. Обе улыбнулись.

– А сейчас мне кажется, что во многом папа прав, – продолжала она. – Вот я, например, решительно не понимаю, почему девчата и ребята смеются, когда дружат девочка с мальчиком.

– Девчата с ребятами смеются, а взрослые – ты замечала, Дина? – сердятся и еще больше не понимают такой дружбы, – горячо отозвалась Ната. – Вот на тебя с Костей Зоя Николаевна косо смотрит. Замечала?

– Замечала, – уныло отозвалась Дина. – А чего же тут плохого?

– Не знаю. По-моему, ничего плохого нет.

Ната задумалась, а потом, не отрывая взгляда от красной железной крыши школы, виднеющейся из-за забора, сказала:

– А все-таки в этом есть что-то стыдное.

– Почему? – Дина быстро взглянула на подругу.

– Скажу почему, только, чур, не обижаться.

Дина молчала.

– Ну, вот ты моя подруга. Ты мне все говоришь. Все, верно ведь?

– Все, – несмело подтвердила Дина.

– А сегодня я стороной узнаю то, о чем вся школа уже знает, что вчера Костя тебе стихи подарил. Ты мне об этом не сказала... – Ната взглянула на Дину, но, заметив, что та покраснела, снова стала внимательно разглядывать крышу школы. – Тебе, наверное, было стыдно сказать мне об этом?

– Совсем не стыдно.

– А чего же ты краснеешь? Ну, а Иннокентию Осиповичу ты показала стихи? Ты же от него ничего не скрываешь?

– Н-н-ет!

– Значит, тоже стыдно, – тоном, не допускающим возражения, сказала Ната.

По двору, припадая на правую ногу, прошла высокая толстая старуха в очках. Она осторожно несла что-то в переднике.

Обе девочки приветливо поздоровались с ней.

Старуха на минуту задержалась, улыбнулась, и во рту ее блеснули белые, совсем молодые зубы.

– Сегодня уезжаете? – спросила она Дину низким, почти мужским голосом, сдвигая очки на кончик носа и посматривая исподлобья.

– Едем, Семеновна! – ответила Дина.

– С подружкой проститься пришла? А тебя давеча Костя Зарахович спрашивал.

«И она о Косте!» – с досадой подумала Дина и почувствовала, что у нее горят уши.

– Он, кажись, на школьном дворе, – продолжала Семеновна, внимательно приглядываясь к смущенному лицу девочки.

В это время из-за забора появилась кепка причудливой формы, затем она скрылась. Немного погодя показалась круглая, стриженная голова Мирошки. Должно быть, он на чем-то стоял за забором. Он нарочно громко откашлялся, помахал над головой балалайкой с порванной струной и, кривляясь, сказал:

– «К Дине». Романс Зарахович. Музыка – экспромт Мирона Подковыркина. Исполняет он же.

Мирошка запел нежным голосом:

Караван наших дней быстрокрылый
Улетает и тает, как дым...
Знаю, в сердце, что есть и было —
Навсегда оставляет следы.

Семеновна строго взглянула на Мирошку и, припадая на правую ногу, подошла к забору:

– Ну-ка, слазь, Мирон! Что у тебя, совести, что ли, нет – посмешищем всем служишь? Мне, старой, за тебя совестно!

Девочки ждали, что Мирошка нагрубит Семеновне, но неожиданно он натянул на глаза подобие кепи, что-то буркнул и исчез.

Семеновна сердито одернула платок на голове, передвинула очки с кончика носа на обычное место и пошла дальше.

Девочки молча смотрели ей вслед. Школьную сторожиху Семеновну любили и уважали не только дети, но и взрослые. Дети любили ее больше своих учителей, любили за то, что она жила интересами школьников.

Как-то Семеновна позволила себе вмешаться в дело 6-го «А» и встать на защиту самого шаловливого ученика. Это случилось незадолго до дня рождения Дины.

Плохая дисциплина и неуспеваемость в классе Мирошки Подковыркина вынудили пионерскую организацию поставить вопрос о нем на собрании отряда. Мирошка выступил и, ломаясь, сказал, что виною всему его нелепая фамилия. Ей он обязан своим поведением, и пока он носит ее – изменить свое поведение он не может, а галстука пионерского (если его исключат) все равно не снимет, так как он ему к лицу.

Выступлением Мирошки пионеры были возмущены и единогласно постановили Подковыркина из пионерской организации исключить.

Семеновна в это время кипятила титан в соседней комнате и слышала, что говорили на собрании отряда.

Прихрамывая, вошла она в комнату. Очки ее ютились на кончике носа, а глаза поверх них смотрели строго.

– Ну-ка, дайте старухе слово сказать, – попросила она вожатую Галю.

Галя молчала, соображая, допускается ли уставом выступление сторожихи на собрании отряда. Семеновна молчание председателя сочла за согласие и начала говорить:

– Вы, ребята, его не слушайте. Это он глупостями такими стыд свой прикрывает. Изломался парень и по-другому теперь не может, хочет, да не может. Вы его от себя не гоните, так хуже будет. Ему сейчас стыдно, а стыд да горе человека учат уму-разуму. Я, старуха, за него слово вам дам, авось седины мои срамить не станет.

Мирошка стоял, облокотившись на подоконник, водил пальцем по стеклу и делал вид, что не слушает слов Семеновны, но все видели, что он не только слушает, а даже волнуется, и это настраивало всех в пользу Мирошки.

Семеновна продолжала:

– Вы Мирошку не отпевайте, крест над ним не ставьте. Я жизнь прожила, знаю, что из таких вот ребят люди что надо получают. Поломается, обхолонется и человеком будет. – Она помолчала и нерешительно добавила: – Людей жалеть, любить надо.

– Всех? – задорно спросила Ната.

– Всех, до самого последнего, – с убеждением ответила Семеновна.

– И врагов? – ехидно полюбопытствовала Варя.

– И врагов жалеть надо, – ответила Семеновна и поторопилась уйти. Она знала, что сейчас поднимется невероятный шум и спор. Так бывало не раз, когда она пыталась доказать, что главное в жизни любовь и всепрощение. Этот ее взгляд ребята решительно опровергали.

Вмешательство Семеновны подействовало. В протокол записали Мирошке строгий выговор с предупреждением, но в пионерской организации оставили.

После этого Мирошка притих, стал лучше учиться, но ломался по-прежнему, так и звали его все шутком гороховым.

Исполняя свой романс на заборе, Мирошка не рассчитывал на встречу с Семеновной. Когда подружки остались одни, Дина возобновила прерванный разговор.

– Вот все и клонится к одному, – сказала она, – дружить с мальчиком стыдно. Если открыто дружить – взрослые сердятся, сверстники смеются. Скрывать – друзья обижаются, – она мимолетно взглянула на Натю, – да и все равно узнается. – Она встала и безнадежно махнула рукой. – Ну, я пошла. Через час ехать. Что-то не хочется, Ната.

– А к Косте не зайдешь?

– Не зайду... Ты ему скажи... Нет, лучше, я напишу, а ты отнеси. Хорошо?

Дина достала из кармана блокнот и написала:

Костя! Я уезжаю на все лето. Настроение очень плохое. Мы с тобой больше не должны встречаться. Дина.

Р. С. Я еще не поблагодарила тебя за стихи. Спасибо, Костя. Мне они очень понравились, хотя из-за них мне было много неприятностей... Больше для меня не пиши.

Дина отдала записку Натю, поцеловала подружку в щеку и пошла домой.

* * *

Екатерина Петровна только что кончила сборы. Она сидела за столом усталая, но веселая, в сером халате с засученными рукавами. В полной белой руке она держала недокуренную папиросу, другой рукой гладила волосы сидевшего у нее на руках Юрика.

Большие синие глаза Юрика, в точности как у матери, покраснели от частых слез. Нос и пухлые розовые щеки были разрисованы грязными полосами. Белая рубашка на груди почернела, вымокла, утром одевался он сам, без помощи старших, и сандалию с правой ноги надел на левую, а с левой на правую.

– Ну, весь город обегала? – спросила Екатерина Петровна.

В голосе ее Дина уловила досаду и промолчала.

– Со всеми простилась?

– Нет, только с Натюй.

– А с Костей?

– Костю не видела, – грустно сказала Дина.

Отец бы заметил печальный голос дочери. Но мать была менее внимательна. Она встала, подвела Юрика к умывальнику и начала мыть его.

Малыш снова расстроился и заревел на весь дом. Голос у него был сильный и звонкий, плакал он всегда так громко, что его было слышно через дорогу, в доме Дининой учительницы, Зои Николаевны. Семилетняя Танюша, дочь Зои Николаевны, часто в такие минуты перебежала дорогу, забиралась на забор затеевского сада и кричала насмешливо:

– Юрик, перемени пластинку!

Услышав ее голос, Юрик моментально стихал и громко говорил:

– А?

– Перемени пластинку! – со смехом кричала Танюша.

Юрик понимал, что его дразнят, и снова начинал реветь.

Теперь в самый разгар рева на террасе послышались легкие, бодрые шаги. Юрик замолчал из любопытства.

В комнату вошел отец и, заложив руки за спину, быстро зашагал взад и вперед. Иннокентий Осипович редко бывал не в духе, но когда это случалось, весь дом погружался в уныние. Дина старалась не попадаться отцу на глаза, Екатерина Петровна молчала, затихал и Юрик.

– Вот подлец, прохвост! – возмущенно ругал кого-то Иннокентий Осипович.

Дина мельком взглянула на отца и заметила, что он свежевыбрит и напудрен. Она ощутила резкий запах одеколона, распространившийся по комнате.

– В чем дело? – снова опускаясь в кресло и закуривая, спросила мужа Екатерина Петровна.

Иннокентий Осипович остановился около нее и раздраженно сказал, наклоняясь к ней:

– Я всегда удивляюсь, отчего ты никогда ничего не замечаешь!

Она удивленно развела руками и покачала головой. Юрик поднялся на цыпочки, вытянул шею и молча начал разглядывать отца.

Сбоку заглянула Дина и ахнула:

– Брови обрезал!

Иннокентий Осипович повернулся к дочери и, точно она одна могла сочувствовать ему, возмущенно сказал:

– Подумай, Дина, этот прохвост-парикмахер проделал все, не спросив меня.

Екатерина Петровна сначала улыбнулась, потом закрыла лицо рукой, и все ее большое полное тело затряслось от сдерживаемого смеха.

Дина взглянула на мать и звонко, заразительно рассмеялась на весь дом.

Иннокентий Осипович удивленно посмотрел на жену, на дочь и сердито вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Затеев был очень некрасив, но никто никогда не замечал этого, вероятно потому, что на лице его светились умные, живые глаза. Но, по мнению Затеева, самым оригинальным в его лице были брови. Они действительно были необычны – густые, с длинными волосами. По утрам он любовно разглаживал их перед зеркалом, поворачиваясь в профиль, шевелил ими, как таракан усами.

В такие моменты Юрик приходил в восторг, хлопал в ладоши и кричал: «Еще пошевели букашками-таракашками!» Тогда отец щекотал бровями нежную, тоненькую шейку сына. Юрик хохотал и цепкими пальчиками пытался поймать «букашек-таракашек».

Дерзкий поступок парикмахера, по мнению Иннокентия Осиповича, окончательно испортил его и без того непривлекательную внешность. Он чувствовал себя голым в обществе одетых и сердился на всех.

Но характер у Иннокентия Осиповича был мирный и веселый. Долго он сердиться не мог. Вскоре Затеевы пили чай на террасе, и громкий голос и смех Иннокентия Осиповича разносились по саду.

В два часа дня к воротам подали гнедую школьную лошадь, запряженную в тележку на рессорах, и Затеевы поехали на пасеку к дедушке Осипу Антоновичу.

* * *

Не раз собиралась Дина встать до рассвета и встретить восходящее солнце. Но под утро особенно сладко спится, и когда бабушка, по просьбе Дины, будила ее на рассвете, осторожно трясла за плечо, приговаривая: «Вставай, доченька, солнце вот-вот подыметя», она отвечала сквозь сон:

– Сейчас, бабушка, только чуточку еще посплю... – и засыпала крепким, молодым сном.

Бабушка качала головой и, шаркая большими глубокими калошами, не спеша выходила во двор доить коров.

Всходило солнце. В свежем воздухе затихал рожок пастуха. Июньское солнце вставало над пасекой в полном блеске, щебетали под окнами веселые воробьи, взад-вперед над кры-

шами носились ласточки-касатки, громко хрюкали и лезли в сени проголодавшиеся за ночь свиньи.

– Ти, ти, ти, ти! – ласково ворковала бабушка, разбрасывая курам крупу, и, внезапно с хворостиной в руках накидываясь на свиней, басом кричала на весь двор: – Усь, проклятые!

Первым, после бабушки, в доме просыпался Юрик. Его деревянная кроватка, сделанная дедушкой, стояла у окна, и солнце, появляясь над крышей стайки, будило малыша горячим прикосновением лучей. Юрик вставал на крепкие ножки и, поглядывая через окно на двор, плаксиво тянул:

– Гуля-я-ять!

Он будил мать и сестру. Дина быстро вскакивала, но, убедившись, что солнце уже взошло, снова ложилась на мягко застланный сундук, досадовала на себя.

Но однажды Дина все же проснулась до света. Она тихонько поднялась, надела на босые ноги туфли, набросила пальто и на цыпочках, стараясь никого не разбудить, вышла из горницы в кухню.

На самодельной деревянной кровати спала бабушка, высоко забравшись на подушки. Рядом с ней дедушка выводил носом затейливые трели.

Дина вышла в сени и открыла дверь на улицу. Во дворе было холодно и неприветливо. Небо, подернутое серой пеленой, казалось закрытым плотными тучами.

«Опять ненастье будет, – с грустью подумала Дина. – Видно, зря встала – не увижу восхода». Одно мгновение она постояла в нерешительности, раздумывая – не возвратиться ли в теплую, мягкую постель?

– Нет! – решительно сказала она вслух и пошла к воротам.

К приезду родных свой обширный двор дедушка вычистил, подмел, заботливо посыпал красным песком. Дина прошла мимо новой, недавно отстроенной стайки и высокого сеновала. На нее пахло острым ароматом донника и сухой, прошлогодней травы.

Она открыла скрипучую калитку и вышла за ворота. Дедушкин дом стоял на горе, в стороне от деревни Груздевки. За домом раскинулась обширная колхозная пасека. Там, в низком березнике, живописно пестрели маленькие домики-ульи, выкрашенные в желтый, синий и зеленый цвет.

Дина огляделась, выбирая место, где было бы удобнее наблюдать восход солнца. Вначале она решила примоститься на изгороди, но потом сообразила, что лучше залезть на крышу, и по лестнице забралась на чердак, а оттуда, в широкую щель между досками, без труда проникла на крышу. Здесь все было видно как на ладони.

От ворот дома под гору спускалась заброшенная, поросшая травой дорога, и по ней тянулась свежевытопанная узкая тропа к реке. Под горой бежала неглубокая, быстрая речушка. Шаткий мосток был перекинут с одного берега на другой. От него шла дорога в деревню Груздевку.

С горы вправо были видны груздевские дома, амбары и огороды, а влево, до самого горизонта, уходили вдаль ровные черные и зеленые квадраты полей. Над полями горела яркая полоса зари, дальше от горизонта она бледнела и постепенно смешивалась с мутным, неопределенного цвета небом. Но вот она заалела, вспыхнула, и у горизонта показался ослепительный край солнца.

За несколько секунд вокруг все изменилось, из мрачного стало радостным. Небо, только что казавшееся серым от дождевых туч, засверкало свежей голубизной, на нем не было ни единого облачка, только на западе, у горизонта тянулись нежные, почти прозрачные полосы. Из кустов стремительно взвились вверх маленькие серые птички и, видимо наслаждаясь светом и солнцем, кружились в воздухе.

На широкой дороге в Груздевку, подоженные солнцем, как звезды, горели крошечные камешки и стекляшки. Они слепили глаза, но Дина все же не отрываясь смотрела вдаль.

Маленькая черная точка двигалась по дороге. Вскоре стало видно, что это шагает человек. Он миновал Груздевку, обогнул амбары, огороды и направился к реке.

Человек шел к дедушке на пасеку, это было ясно. Дина поднялась, вытянула шею и замерла: ей вдруг показалась знакомой маленькая фигурка в белой рубашке.

Путник осторожно ступил на шаткий мостик через речку. Дина уже не сомневалась – это был Костя. Царапая руки, она почти скатилась с лестницы и понеслась вниз по тропинке.

Костя шел ей навстречу быстро, почти бегом, в белой расстегнутой на груди рубашке, с мешком за спиной. Через его плечо на ремне был перекинут плоский деревянный ящичек. От радости или от прохлады начинающегося утра яркий румянец заливал Костины смуглые щеки, его лицо сияло оживлением и радостью. Он шел без кепки, подставляя легкому ветру густые, черные как смоль волосы. Школьные девчата по-разному оценивали Костину внешность: одни считали его красивым, другие говорили, что он был удивительно некрасив собой. Но Дине он всегда казался красавцем.

Она протянула ему обе руки и, задыхаясь, со смехом воскликнула:

– Я знала, что это ты, еще у мостика знала!

– А ты писала, что встречаться не нужно! – с упреком и тревогой сказал он.

Но Дина уже не помнила о письме. Они поднимались в гору, и Дина без умолку рассказывала ему о том, как она по семь раз в день купается, ходит одна далеко в лес, ловит рыбу, наблюдает за пчелами.

– А Екатерина Петровна не рассердится, что я пришел? – спросил Костя.

– Что ты? Она рада будет! – с жаром воскликнула Дина и, помолчав, неуверенно сказала: – А ты зачем пришел?

– Видишь ли... – Костя замялся, потом указал на плоский деревянный ящичек, висевший через плечо: – Я рисовать пришел сюда этюды с натуры.

«Так далеко?» – хотелось спросить Дине, но она промолчала и потупила глаза, чтобы скрыть лукавую улыбку.

– Да, знаешь, Дина, новость! – вдруг горячо воскликнул Костя и остановился. – Даже две. Во-первых, подземный ход вовсе не недоделан, как сказал Игорь Андреевич, видимо, ему просто идти дальше не хотелось. Ход ведет на Белый ключ.

– Да что ты? – удивилась Дина. – Ну, а вторая новость?

– Во-вторых, в наш подземный ход кто-то ходит... Я обнаружил там две папиросы «Дукат».

– Ну, «Дукат» Игорь Андреевич курит, – живо отозвалась Дина. – Это он и бросил, наверное, тогда.

– В самом деле?! – разочарованно протянул Костя. – А я думал, тут кроется какая-то тайна.

Дина засмеялась веселым смехом. Они подошли к воротам дедушкиного дома. Костя остановился и неуверенно спросил:

– А может быть, неудобно?... Екатерина Петровна рассердится...

– Что ты, она так любит тебя! – сказала Дина.

Но когда во дворе им навстречу попала бабушка, хворостиной выгонявшая корову, уверенность покинула Дину, она смутилась, вспыхнула и сказала неестественно громко:

– Бабушка, вот Костя...

Все трое остановились около калитки.

Маленькая старушка в ватной телогрейке и в черном полушалке, повязанном под подбородком, внимательно с ног до головы осмотрела мальчика. Она заметила его запыленный костюм, усталое, неумытое лицо.

– Милости просим! – сказала она тонким, тихим голосом. – Видно, пешком из города?

– Пешком, бабушка, – ответил Костя.

Дина ахнула:

– Пешком сто километров! Когда же ты вышел, Костя?! – вскричала она, с восторгом взглянув на товарища.

– Три дня шел... – рассматривая носки сандалий, неохотно ответил он.

– А почему не на поезде? – не унималась Дина.

– Хотелось идти: закат смотреть, восход... Ну, вообще, как Горький... Я решил пешком обойти всю страну.

– Как босяк? Это замечательно, Костя! Я тоже сегодня хотела восход наблюдать, да ты помешал.

У бабушки от улыбки задрожал подбородок.

– Нашто же это пешком, сынок? Теперь поезда ходят. Это в наше время волей-неволей пешком ходили да на лошадях ездили, а теперь другое дело.

– Ну, что ты, бабушка! Пешком-то интереснее! – защищала Дина товарища.

Бабушка поняла, что возражать бесполезно.

– Ты, Дина, самовар поставь да творог сметаной залей к чаю. А в печи яичница да картофельница. Медок не забудь. Ну, да я подойду к чаю-то.

Бабушка вышла за ворота. На поляне, поджидая хозяйку, спокойно жевала траву пестрая корова-ведерница.

– Но, цыля! – басом крикнула бабушка, помахивая хворостиной.

Костя оглянулся и с удивлением взглянул на бабушку. Его поразило, что маленькая старушка, с добрым лицом, с тонким голосом, могла брать такие низкие, почти мужские ноты.

Бабушка торопливо спускалась по тропинке к реке. Впереди, отмахиваясь хвостом от гнуса, лениво брела корова. А за мостом, у березника, уже разливалась монотонная трель дудки пастуха Федота.

* * *

Дни бежали незаметно. Дина с Костей бродили по лесу, отыскивая птичьи гнезда. Боясь спугнуть, чуть дыша, с любопытством рассматривали в них птенчиков. Часами простаивали они над муравейниками, бросали на кучи тальниковые ветки, потом, сбросив с них муравьев, с удовольствием слизывали кислый муравьиный спирт.

Они собирали ягоды, цветы, коллекции трав и букашек; уходили на речку, с увлечением ловили рыбу, и купались, забывая о еде.

Им было хорошо вместе, и любой третий – будь то Юрик, дедушка или Екатерина Петровна – только мешал им.

В ясный полдень Затеевы собрались обедать в просторную горницу с неровным, покосившимся полом. Всевозможные открытки, прибитые веером, украшали недавно беленные стены. На окнах висели белоснежные шторы. В углу стоял маленький опрятный буфет дедушкиной работы, окрашенный черной краской. Середину комнаты занимал большой продолговатый стол, покрытый свежей палевой скатертью. Вокруг стола стояли новенькие венские стулья – подарок Иннокентия Осиповича.

На столе, на блестящем подносе, шумел старинный медный самовар.

Дина с Костей сидели рядом и, с аппетитом уплетая горячие блины со сметаной, оживленно обсуждали совместно прочитанную за эти дни книгу «Холоп-ополченец». Юрик, открыв рот, с увлечением слушал их.

Бабушка с дедушкой ели молча, но каждую минуту готовы были поссориться друг с другом. Они во всем были очень различны, и в спорах и в ссорах прожили вместе почти шестьдесят лет, хотя и любили друг друга крепко.

Бабушка была маленькая, кругленькая старушка, с желтоватым цветом лица. Движения ее рук были мягкие, круглые. Дедушка Осип Антонович на целую голову был выше бабушки. Грудь у него была богатырская, и клином на нее опускалась длинная седая борода в форме редьки. На бескровном лице выделялся длинный нос. Выцветшие голубые глаза смотрели внимательно и спокойно. Осип Антонович очень много курил и любил тертую редьку с молоком, а бабушка не переносила ни речного, ни табачного запаха. Из-за этого они главным образом и враждовали всю жизнь. В этот день ссора стариков началась тоже из-за редьки.

– Опять за свою любезную! Вонь стоит, хошь святых выноси! – недовольно сказала бабушка.

Дедушка молча деревянной ложкой выгребал из тарелки тертую редьку и, не обращая внимания на бабушкины слова, прислушивался к разговору Дины и Кости.

Екатерина Петровна разливала чай. Она держала блюдце белыми красивыми пальцами с блестящими ногтями, часто позевывала и смотрела вдаль скучающим взглядом. Она всегда за столом молчала и думала о чем-то своем.

Екатерина Петровна не любила деревню, и лето привыкла проводить на южных курортах. Здесь жила она только ради детей и очень скучала.

– Да, за Болотниковым народ шел. Свой! Мужик! Герой-человек. Как они, собаки, его замучили! – отставляя пустую тарелку, в раздумье сказал дедушка.

– Наш пострел везде поспел! – сердито буркнула бабушка. Она не видела, когда Осип Антонович читал «Холопа-ополченца» и догадывалась, что это делалось тайно от нее.

– Ты бы вон крышу починил, а то скоро дождь в избу сеять будет, – не унималась она. – Нашто тебе книжки читать – одной ногой в гробу стоишь, а земля и умного, и дурака равно примет. Ему хоть огнем хата гори – он нос в книжку и не видит! – обратилась она к окружающим, но ее никто не поддержал.

Спокойно, будто не замечая бабушкиной колкости, дедушка продолжал:

– Минин тоже мужик башковитый был! Не просто собрать ополчение по всем городам!

– А как Болотников пошел на смерть! – горячо заговорил Костя. – Вот это самое главное – на смерть так пойти!..

– Мне больше всех Михалка нравится, – перебила его Дина, – как он от воли отказался. Ведь это здорово – раз, говорит, воли нет для всех, и мне не надо. Вот такие бы все люди были.

– А я еще про это не читал! – нетерпеливо заерзал на стуле дедушка и косо взглянул на бабку. – Что говорить, силен духом русский мужик!

После завтрака бабушка опять напомнила о крыше, но дедушка отговорился неотложными делами на пасеке и ушел.

Дина и Костя по бабушкиному поручению отправились в Груздевку. Обходя плетень пасеки, они увидели Осипа Антоновича. Он лежал в кустах, вблизи ульев, и с увлечением дочитывал «Холопа-ополченца».

– Дедушка! А крыша-то как же? – со смехом крикнула Дина.

Старик приподнялся на локте, взглянул через очки и с лукавой улыбкой погрозил внучке пальцем: дескать, помалкивай, а то попадет от бабки.

Дина и Костя спустились к реке, и долго еще Осип Антонович слышал их веселый, звонкий смех.

– Я так и знала, что он читает, – говорила Дина. – Увлечется и не увидит, как бабушка подойдет. Вот тогда достанется на орехи!

– Понравилась книжка, она в самом деле хорошая, – задумчиво сказал Костя. – Знаешь, Дина, я когда читаю книги вот о таких смелых, сильных людях, которые жизнь свою за народ отдают, мне тоже хочется совершить какой-нибудь подвиг. По-моему, и смерть за народ не

страшна. Только надо, чтобы в минуту смерти кто-то из близких тут был. Вот, мне кажется, Остап в последнюю минуту поэтому и кричал: «Батько, где ты?» И наверное, когда Тарас Бульба отозвался: «Я здесь, сынку!» – ему было легче умирать...

– Конечно, так умирать легче, но я... – Дина не окончила фразы и, приложив палец к губам, остановилась. На дороге, поводя длинными ушами, сидел большой серый заяц.

Глаза Кости озорно загорелись. Он засунул пальцы в рот и свистнул что было мочи. Заяц в испуге вскочил и помчался по дороге, высоко вскидывая задние ноги. Дина побежала было за ним, но заяц быстро исчез.

В это время Костя заметил сломанную березу. Ее ствол переломился надвое, и вершина спустилась к земле. Костя обошел вокруг березы и решил нарисовать ее. Ящик с бумагой, красками и кистями был всегда при нем. Он удобно примостился на траве и начал рисовать, а Дина пошла в Груздевку выполнять бабушкино поручение. Ей нужно было купить у рыбака налимов для ухи да еще захватить в аптеке мазь – растереть дедушке перед ненастьем поясницу.

Дина торопилась. Без Кости каждый час казался ей долгим и скучным. Утром он сказал Дине, что для задуманных картин эскизы сделаны, и он намерен на днях отправиться домой. Дина встревожилась, но ничего не ответила на это. Возвращаясь из Груздевки с пустой корзинкой (рыбы она не купила), Дина вспомнила утренний разговор с Костей, и в ней поднялось чувство обиды. «Неужели не ради меня он пришел сюда? Он пришел бы рисовать эти гадкие сломанные березы и к Наде, и к Варе, и к каждой девчонке... Ну и пусть уходит домой!» – с горечью подумала она.

Костя все еще сидел на траве, склонившись над листом бумаги. Легкой тушью он нарисовал грустно склоненные к земле ветви березы, ее переломанный ствол. А у корня, в пучке травы, изобразил еще не совсем распустившийся ландыш. Такого цветка в действительности около березы не было.

Костя увидел Дину, поднял голову и спросил:

– Ну, а налимы где?

– Не поймали! – сердито ответила она.

– А лекарство?

– Аптека закрыта.

– Ну, а ты что из-за пустяка расстраиваешься, чудачка!

Дина отвернулась и замолчала.

– Или уши очень захотелось? – пошутил Костя и увидел на глазах ее слезы.

Он вскочил на ноги и подошел к ней.

– Тебя обидел кто-нибудь? Скажи – кто? – Костя взял ее за руку.

– Ты! – неожиданно для себя сказала Дина и испугалась.

– Я? – Костя растерянно опустил руку.

– Тебе лишь бы рисовать... Тебе все равно... Зачем ты сюда пришел?

Костя еще больше растерялся. Он не понимал ее слов.

– А ты не хотела, чтобы я приходил сюда? – удивленно спросил он и, не дав ей ответить, продолжал: – Хорошо, я уйду. – Он наклонился, положил в ящик бумагу, взял его и быстро пошел на дорогу.

– Костя, ты не понял меня! – крикнула вдогонку ему Дина.

Но он не обернулся.

– Гордец! Ни за что не вернется! – с отчаянием прошептала она, легла ничком на траву и горько заплакала.

Из Груздевки она возвратилась ни с чем, одна, с заплаканными глазами. Костя не пришел ночевать. Утром Екатерина Петровна хотела начать поиски Кости, но Дина и Осип Антонович уговорили ее не делать этого. Оба были уверены, что он ушел в город.

22 июня 1941 года

День был дождливый. От востока до запада, от севера до юга не было просвета летнему солнцу. Тяжело поникла молодая листва деревьев, и согнулись травинки под тяжестью крупных, частых и светлых, как слезы, капель дождя.

Двухдневное ненастье размыло глинистые дороги. Лошади спотыкались, вязли в грязи колеса телег по самую ось. Мужики в брезентовых дождевиках с громкой руганью хватались за телеги и с трудом вытаскивали их из грязи. Старые намоченные дома Груздевки казались совсем черными. Калитки и ворота открывались легко и бесшумно.

На улицах было безлюдно и тихо.

Дина сидела на табуретке у окна в груздевской избе-читальне и просматривала газеты.

В небольшой опрятной комнате стояли три стола, покрытые кумачом. На них в горшках, обернутых разноцветной бумагой, буйно цвели неприхотливые герани. На столе в середине комнаты стоял стеклянный кувшин с водой.

Четыре окна избы-читальни были заставлены цветами. Здесь росли колючие алоэ и кактусы, олеандры, камфарные деревья. Вверху, на карнизах окна, висели беленые ящички с какими-то вьющимися растениями. Они затейливо обвивали веревки и зелеными кудряшками свешивались вниз.

У стены два стеллажа с книгами и между ними большой, полуголый фикус.

Стены избы-читальни украшали плакаты, лозунги и портреты вождей.

Вдоль комнаты лежало красное полотнище, приколотое кнопками к полу. Поддевая на широкую кисть белую краску, избач Лиза писала лозунг. Слова «Книга – друг» были искусно написаны умелой рукой. Она терпеливо выводила следующее слово, склонив голову со светлыми кудряшками, похожими на затейливые растения на окнах.

За столом сидел Осип Антонович и шепотом с увлечением читал газету. Он был по делам в Груздевке и не утерпел – зашел посидеть в избу-читальню.

За другим столом расположилась с книгами груздевская учительница. За худобу и темный цвет кожи ребята прозвали ее «грачом».

Около нее сидел кузнец дядя Федор. Он повредил молотом руку, работать не мог и третий день проводил здесь за книгами. Дядя Федор в читальню всегда приходил нарядным, как на праздник. И теперь он был аккуратно причесан на прямой ряд, в белоснежной вышитой рубашке. Он читал рассказы Чехова и сопел на всю комнату.

Дина смотрела в окно. По дороге, прикрываясь дырявой клеенкой, бежала девочка. Босые ноги разбегались в разные стороны, но она не хотела идти по узкому тротуару, сколоченному из двух досок, видимо находя удовольствие бежать по липкой, скользкой грязи.

Дине тоже захотелось пробежаться по дороге. Она решила, что на обратном пути снимет бабушкины сапоги и пойдет босиком.

«Говорит Москва», – услышала Дина голос из репродуктора, висевшего над ее головой.

«А потом попробую искупаться, – продолжала думать Дина, не обращая внимания на слова, летящие из репродуктора, – говорят, в дождь вода особенно теплая».

Неожиданно ее поразила мертвая тишина в комнате. Она обернулась и только теперь прислушалась к голосу репродуктора.

«Германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города...»

Лиза быстро поднялась с пола. В одной руке она держала баночку с краской, в другой – кисть. На растянутое полотнище из банки падали жирные белые капли, но она не замечала этого.

Учительница, пригнувшись к столу, с изумлением глядела на репродуктор. С ее смуглых щек медленно сходил румянец, и губы становились мертвенно-бледными.

«Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством, – говорил тот же голос. – Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора».

Дедушка поднялся, сдвинул брови и тихо сказал:

– Ах, сволочи, ах, кровопивцы проклятые!..

Никто не отозвался на его слова. Учительница не отвела даже глаз от репродуктора. Лиза стояла все так же неподвижно, не выпуская из рук кисть и баночку с краской. Лицо ее было строго, губы решительно сжаты. Она боялась упустить хоть одно слово, доносящееся из репродуктора.

«Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей».

Дядя Федор слушал спокойнее всех. То, что он не в обычном состоянии, доказывало только одно: невзирая на грозную надпись на стене – «Курить строго воспрещается!» – он вынул кiset, скрутил из газеты папироску и закурил.

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

В комнате по-прежнему все сидели молча, не шевелясь. Первым опомнился дядя Федор, шумно отодвинул стул, встал, одернул рубаху, нахлобучил выгоревшую фуражку и решительно шагнул к дверям.

За ним вышел дедушка. А Лиза, прижав ладони к пылающим щекам, села рядом с учительницей.

Дождь лил без передышки. Осип Антонович, тяжело опираясь на палку, поднимался в гору. Он шел медленно, в раздумье, опустив на грудь седую голову, не замечая, что картуз нес в руках и капли дождя, скатываясь с мокрых волос, бежали за воротник.

По временам он останавливался, поворачивался и смотрел на бескрайние зеленые поля. «А кто урожай сымать будет...» – шептал он и снова шел в гору, обуреваемый мрачными мыслями.

Дина в бабушкиных сапогах бежала впереди, торопясь сообщить матери страшную новость. Она забыла о своем желании идти босиком по грязи и купаться в реке. Сердце ее тревожно замирало, жизнь сразу же стала для нее сложнее и значительнее, хотя всего смысла грозного слова «война» Дина еще не понимала.

Война началась

Вечером следующего дня Затеевы приехали в город. Тихим шелестом встретил их зеленый сад. Он показался Дине зеленее, гуще, красивее, чем прежде. Разрослась под дубом клумба, зацвели левкой и бессмертники.

В доме царил беспорядок. Иннокентий Осипович не украсил цветами стол на террасе, не покрыл его скатертью, как это делал обычно, когда семья возвращалась с дачи.

Он встретил их на вокзале молчаливый и сосредоточенный, не подставил Юрику «букашек-таракашек» и не поинтересовался, как Дина проводила время у бабушки на пасеке. Дина тоже не стала рассказывать отцу, что у нее в гостях был Костя и как весело купались они в реке и бродили вдвоем по лесу.

В комнате на столе Екатерина Петровна увидела газету с приказом о мобилизации.

– Значит, уже... – с ужасом сказала она.

– Уже. Я и без того, Катюша, пошел бы, – ответил Иннокентий Осипович, указывая на газету. Он хотел сказать ей слова ободрения, но она повернулась и почти выбежала из комнаты.

Иннокентий Осипович не пошел за женой. Он знал – Екатерина Петровна плакала всегда тайно от всех, да и разве мог он утешать, сам глубоко взволнованный?

– Папа, что «уже»? – не поняла Дина, в недоумении рассматривая газету.

– Еду на войну, Диночка.

– На войну? – Дина почувствовала, как сильно застучало ее сердце. – На войну? – растерянно переспросила она. – Но ведь тебя могут убить?

Иннокентий Осипович улыбнулся:

– Не убьют, Диночка. Немецкие пули меня не прошибут.

Он заложил руки за спину и начал ходить взад и вперед по комнате.

– Враг очень силен. И война эта будет страшной. А Родину защищать каждый должен, – вслух рассуждал он.

– Папа, возьми Юрика на войну! – неожиданно попросил Юрик. – Я как схвачу его да как брошу! – Он опустил книзу пухлые кулачки, показывая, как бы он стукнул врага.

Иннокентий Осипович засмеялся, поднял сынишку, прижал к груди.

– Тебе, сынок, может, и вовсе воевать не придется. Я за тебя отвоююсь.

Дина заметила, что в глазах у отца блеснули слезы. Ей стало не по себе. Незнакомая боль шевельнулась в сердце. Она незаметно выскользнула в дверь. В прихожей ей встретилась Екатерина Петровна. Станным взглядом посмотрела она на дочь и отвернулась.

Еще тоскливее показалось Дине все окружающее. Она спустилась в сад, открыла калитку и стала смотреть на безлюдную улицу.

Легкий ветер вздымал на дороге пыль. Уныло стояли небольшие деревянные дома: серые, желтые, зеленые.

«И может быть, в каждом из них вот так же отец, собираясь на фронт, со слезами на глазах прижимает к груди сына, а мать ходит по дому как тень, с глазами, потускневшими от слез», – подумала Дина. Нижняя губа ее задрожала, но она сдержалась и не заплакала.

Из-за угла показалась толпа народа. Люди шли прямо по дороге, шагая нестройно и быстро. Все они были с котомками за плечами, со свертками в руках. Дина поняла, что это мобилизованные из района.

По обочине дороги почти бегом двигались провожающие – женщины, дети, старики. Они тащили мешки, узлы, чемоданы.

Толпа мобилизованных поравнялась с Диной, и кто-то высоким, звонким голосом затянул:

Был приказ ему на запад,
Ей – в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Толпа двигалась мимо, и Дина быстро пошла за ней.

– Сам, родненькая, пошел в военкомат, говорит, года не вышли, но уж не откажите, хочу воевать, – задыхаясь на ходу, говорила толстая женщина остроносой старушке.

Босоногий мальчик в белой рубашке, спотыкаясь, выскочил из толпы на тротуар. Ему было не больше шести лет. Белые волосы в беспорядке свисали на лоб. Он тяжело дышал, утомленный непосильной быстрой ходьбой. Мальчик не мог больше бежать.

Он остановился, протянул руки вперед, точно хотел задержать толпу, и дребезжащим голосом крикнул:

– Папа!

Но его никто, кроме Дины, не слышал. Она взглянула на мальчика. Ветер трепал подол его рубашонки, шевелил волосы, а он стоял с протянутыми руками и глазами, полными слез, смотрел на дорогу.

Отделившись от толпы, на дороге задержался высокий белокурый мужчина. Он повернулся лицом к мальчику, снял с головы кепку, помахал ею в воздухе и исчез в людском потоке.

Мальчик прижался спиной к высокому забору, локтем закрыл лицо и заплакал навзрыд.

Толпа поравнялась со школой. У забора, на крыше проходной будки, появился Мирошка. Он выждал секунду-другую и поднял обе руки, точно подавая кому-то сигнал.

«Ну, сейчас выкинет что-нибудь», – подумала Дина, сжимая кулаки. Чувство возмущения поднялось в ее душе. Неужели в такую минуту этим людям, идущим защищать Родину, он посмеет сказать что-нибудь скверное? Дина не посмотрит, что она девочка, – отлупит Мирошку так, что он долго будет помнить.

Мирошка опустил руки, и в тот же миг над крышей показались лица мальчишек – его товарищей.

– Защитникам Родины – ура! – во весь голос прокричал Мирошка.

– Ура! Ура! Ура! – дружно подхватили ребята.

У Дины отлегло от сердца.

– Динка! Ты кого провожаешь? – крикнул Мирошка и присел, чтобы лучше расслышать ее ответ.

Дина боязливо взглянула на него – нет ли тут какого подвоха? Она не привыкла так разговаривать с Мирошкой.

Но черные живые глаза Мирошки смотрели серьезно. Она удивилась и ответила:

– Я так... Я думала...

– Думают только умные люди да индейские петухи! – не удержался Мирошка и скорчил свою любимую гримасу.

Дина, против обыкновения, ничего не ответила на Мирошкину выходку. Она почувствовала в нем что-то новое и с интересом наблюдала за ним. Мирошка заметил внимательный взгляд Дины и, приподнимая над головой блинообразное кепи, прижимая руку к груди и нелепо приседая, сказал:

– Разрешите откланяться, мамзель?

– Шут гороховый! – с досадой воскликнула Дина. – Тебя бы вот с немцами воевать!

Мирошка обозлился и ответил:

– Не с вашим носом, мамзель, насчет войны рассуждать. Подите примите для успокоения ванну или прогуляйтесь до поэта Зараховича, он сочинит вам оду.

Дина повернулась и быстро пошла прочь. Мирошка всегда расстраивал ее, но иногда давал и умные советы. В самом деле, отчего бы не сходить к Косте? В эти необычные дни она совсем забыла о нем.

Дина завернула за угол, пересекла дорогу и вошла в просторный двор.

Как обычно, при встрече с Костей, она ощутила смутное волнение, тем более что они не встречались с тех пор, как в лесу, не простившись и не сказав ни слова, он ушел от нее. Надо было как-то объяснить те глупые слова, которые сказала она ему в последнюю встречу. А как сказать, что сказать, Дина не знала.

Она подошла к Костиному дому, и волнение ее усилилось, когда она услышала пение и веселые крики, доносящиеся из дома.

«Разве можно теперь петь?» – с негодованием подумала она и нерешительно постучала в окно.

Ей открыл Костя в новой коричневой рубашке с застежкой-молнией. Дине показалось, что он не обрадовался ее приходу, и она поспешила отказать пройти в комнату.

– У вас гости! – сказала она сердито.

Костя посмотрел на нее внимательным ясным взглядом, и Дине показалось, что он понял ее мысли, разгадал тон ее голоса.

– Мы отца на фронт провожаем, Дина...

В это время в дверях появилась огромная фигура сапожника Зараховича. Он вытирал вспотевшее, красное лицо рукавом точно такой же, как у Кости, рубашки.

– Проходи, Дина, меня оплакивать, проходи! – весело приглашал он, для устойчивости широко расставив ноги, но все же покачиваясь. – А я думаю, кто еще из гостей? Будто все в сборе. – И он не к месту захохотал. – Зови, Костя, барышню на кружку пива.

Он ушел, и вскоре в комнате нестройно грянула заливчатская песня.

Костя вместо того, чтобы приглашать Дину в комнату, как распорядился отец, прикрыл дверь в сени и сел на ступеньку крыльца.

– Садись, Дина, – указал он на место рядом с собой.

Она села.

– Иннокентий Осипович тоже послезавтра едет?

– Послезавтра, – печально ответила Дина.

– А ты не грусти, – посоветовал Костя. – Родину все защищать должны... Знаешь, Дина, вот как только объявили по радио о войне, я сразу подумал: поднимется наш народ – не пустит врага. Уйдут воевать наши отцы, братья... А мы что? По-моему, Дина, мы тоже что-то для Родины сделать должны. Я теперь день и ночь об этом думаю. Что бы сделать, а?

– Но ведь нас не возьмут на фронт, Костя?

– Вот в этом-то и беда. А зря не возьмут. Ну, что я, не смог бы стрелять? Я пулемет знаю, не только винтовку. А таких, как я, тысячи.

– Может быть, убежать на фронт, Костя? – оживилась Дина.

– Может, и на фронт, а может, что-то другое. Я не решил еще, – задумчиво сказал Костя.

«На фронт боится», – подумала Дина.

– Хочешь, я подарю тебе свои новые стихи? – сказал Костя. И, не дожидаясь ответа, добавил: – Ты не велела мне, правда, писать тебе стихи, но, я думаю, теперь вся жизнь по-новому пошла, да и тогда это было под сердитую руку. Верно ведь?

– Верно, – поспешно согласилась Дина. Она встревожилась, почувствовав, что Костя ждет объяснения ее поступка в последнюю встречу.

Но Костя ни о чем не спросил.

По дороге домой Дина встретила Семеновну.

– Папашу когда провожаете? – спросила она, заглядывая в лицо Дины своими умными глазами.

– Послезавтра, Семеновна.

– Ну, с богом, коли такая беда стряслась, с богом! Изверги проклятые, затеяли кровь по земле проливать, бомбы на города бросают, слыхала, поди?

– Читала... И по радио слышала...

– Таких злодеев своими руками душила бы.

Дина неожиданно улыбнулась:

– Ага, Семеновна! А кто говорил, что даже врагов жалеть надо? Ага! – торжествовала она.

– И надо жалеть, да вот сердце не принимает их, проклятущих, – тихо сказала Семеновна. – Такой грех на душу беру.

На берегу реки

Дни, полные забот и тревоги бежали необычайно быстро. Все учащающиеся бомбежки города, сводки Информбюро, письма с фронтов, занятия по ПВХО – это была какая-то совсем новая, страшная, но и увлекательная жизнь. Ею жила теперь Дина и ее товарищи по школе.

Занятия по ПВХО окончились поздно. В этот вечер Дина прошла проверку, получила отличную оценку и звание инструктора.

После занятий с поручением от матери она должна была зайти к Петерсон, и Костя вызвался проводить ее.

Узким переулком они свернули к реке и пошли по набережной. Под ногами хрустела мелкая галька, с кручи шумно скатывались в воду потревоженные крупные камни.

Они шли молча, прислушиваясь к шороху камней, к плеску воды и шуму города.

Дина думала о себе. Почему-то в последнее время, несмотря на то что вокруг царило смятение, на душе у нее было радостно. И эта радость была связана с Костей.

– А ведь сейчас радоваться нечестно, Костя, – вслух закончила Дина свою мысль.

Костя остановился. Он удивился совпадению мыслей. Он тоже сейчас думал о радости, о том, что ему так хорошо с Диной. С ней он говорит обо всем, что приходит ему в голову, и она понимает его с первого слова. К девчонкам Костя всегда относился пренебрежительно. Они все казались ему слишком болтливыми и шумными. Но Дина была особенной. Она и внешне отличалась от остальных – была выше всех, стройнее, смуглее. Косте она казалась необыкновенной. Особенно он любил ее легкую, плавную походку и с тех пор, как прочитал «Иудейскую войну» Фейхтвангера, мысленно называл ее принцессой Береникой¹.

Костя сел на кучу камней, а Дина стояла, шевеля носком туфли шуршащую гальку. В темноте блестела река. Ровная, широкая полоса лунного света легким, шатким мостиком перекинулась с берега на берег и трепетала и ползла все дальше, вверх по течению.

Город утопал во мраке – с сумерек светонепроницаемой материей завешивались окна. Люди жили в страхе перед частыми бомбежками.

Но сейчас Дина и Костя забыли обо всем. Здесь было так спокойно, так тихо и так хорошо было им вдвоем, что все ужасы войны отошли куда-то на задний план и забылись.

Косте захотелось сказать Дине о том, что только с ней ему так хорошо, что она совсем не такая, как все девчонки. Он волновался и не знал, с чего начать.

¹ Сестра еврейского царя Агриппы II Ирода Береника жила в 27 году до нашей эры. Ее походка славилась во всем мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.